

VI. Вопросы алфавита, орфографии и терминологии

ВЫСТУПЛЕНИЕ К. К. ЖУБАНОВА НА НАУЧНО-ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В г. КЗЫЛ-ОРДЕ 2–4 ИЮНЯ 1929 г.¹

Председатель: Следующее слово имеет тов. Жубанов.

Жубанов: Я хочу здесь остановиться лишь на принципиальных моментах построения нашей орфографии, поскольку тов. Омаров своим выступлением неожиданно для нас оказал некоторое свое сочувствие к морфологическому принципу.

Что же касается деталей, то, пожалуй, я их не коснусь, так как я согласен со всеми теми замечаниями, которые сделал Константин Кузьмич Юдахин, о них у нас еще заранее была договоренность с ним. К ним я не нахожу надобности добавить чего-нибудь.

Собственно, какой принцип орфографии нам нужен: морфологический или фонетический?

Здесь, мне кажется, решающую роль играет природа того языка, для которого вырабатывается орфография, как это было отмечено в докладе, а природа нашего языка сама по себе говорит, что у нас орфография должна быть построена на фонетической основе, конечно, фонетической и в том смысле, какой ему придал тов. Шонанов в своем докладе.

Почему именно нам нужен такой фонетический принцип, это лучше чем кто-нибудь объяснил тов. Омаров в своем докладе на первом Всеказахском научном съезде.

Если бы даже мы и избрали морфологический принцип правописания, то и тогда, думаю, получилось бы такое же правописание, какое мы тоже называем фонетическим и больших различий между морфологическим и фонетическим принципами правописания не могло бы быть, потому что морфологический, вернее этимологический, принцип может быть осуществлен только в отношении основы, а в отношении приставок – не может быть никогда, потому что этимология приставок никому не известна. Для того, чтобы был этимологический, а это все равно исторический принцип, начертание каждой части речи должно соответствовать той форме, которая первоначально зафиксирована в литературе и считается в понятиях современных языковедов как-будто первоначальной формой. А какая частица от какой формы произошла, как она изменилась, является ли архетипом «-лар», или «-дар», или «-тар» – это недоказуемо при современном состоянии лингвистики.

Поэтому-то принцип, предложенный профессором Чобан-Заде, я переименовал бы обратно, что не основа фонетическая, приставка морфологическая, а, наоборот, основа этимологическая, а приставка фонетическая. Тогда у нас получилось бы

¹ Текст выступления дается по книге К. Жубанова «Исследования по казахскому языку». Алма-Ата, 1966.

идеальная орфография, потому что основы имеют постоянную форму, они не изменяются, за малым и то закономерным исключением. Поэтому я и говорю, что у нас не должно быть больших различий между морфологическим и фонетическим правописанием, кстати, во флективных языках это невозможно.

Для того, чтобы не создавать различные формы одного и того же слова, прибегать к морфологическому принципу правописания совершенно не требуется, потому что у нас и так корень не изменяется за незначительными исключениями, о которых в докладе было сказано.

Профессор Чобан-Заде, предлагая морфологический принцип правописания, собственно имеет в виду то, что этим путем будто-бы можно объединить тюркские языки, но это иллюзия. Тов. Омаров говорил, что наша письменность не имеет большой истории, а я бы сказал, что наша письменность имеет не малую историю, даже по сравнению с русской письменностью. Наша письменность, можно сказать, имеет значительно древнюю историю. Еще в VI–VIII веках тюрки имели письменность, а славяне ее имели начиная с X века. Если не считать орхонских надписей, то уйгурская письменность, на которой написано множество книг, судя по дошедшим до нас памятникам, относится к IX–X векам. Я имею в виду «Легенду о двух царевичах – о добром и злом», написанную на уйгурском алфавите, которую лингвисты-тюркологи относят к IX веку.

С того времени, с IX века, в продолжении тысячелетия у нас именно был морфологический принцип правописания. А насколько это сумело объединить тюркские языки?

Для того, чтобы объединить эти языки путем письменности, письменность эта должна быть массовой.

До тех пор пока масса не взяла в руки власть, она (письменность) не могла быть массовой, а как правильно отметил тов. Омаров, она, т. е. письменность являлась принадлежностью верхушек. Поэтому она и не могла распространяться и объединить языки масс. В дальнейшем можно будет, в связи с тем, что письменность будет массовой, объединить в одну письменность и язык, но одной письменностью объединить языки нельзя. Человек, как активное животное, могущее воздействовать на свою жизнь, может активно воздействовать и на свой язык, но для этого требуется не только одна письменность, а целый ряд социально-экономических условий, которые могут объединять не только тюркские языки, но в дальнейшем все языки мира, но пока об этом нечего думать. Если мы вступим на путь этимологического письма, у нас получится такое же явление, какое имеем в английской письменности и в ряде других письменностей. У нас, например, **-лар** пишется **-лар, -лер, -дар, -дер, -тар, -тер**. В уйгурском алфавите **-лар** писалось только через «а», в чагатайской письменности – «**лар**» (لر); в более же позднее время в османском и татарском правописании **-лар** писалось все время также в форме «**رل**». Но этим написанием ни татары, ни османские турки не могли уничтожить диалектов, которые существовали на той территории, где именно употреблялась эта морфологическая письменность.

Следовательно, мы не можем надеяться на то, что с переходом на морфологический принцип правописания возможно будет унифицировать письменность, а главное – языки. Я тоже сторонник унификации, но здесь нужны особенно осторожные меры.

Казахское **-лар** имеет четыре начертания, мы не можем отказаться от них и перейти к **لر** (лр). Это затруднит обучение первоначальной грамоте, а в дальнейшем также саму грамотность. Чтобы не писать безграмотно, начертание должно быть приближено к произношению. Иначе требуется зазубривание всех графических форм, как было при «ять» у русских.

Собственно, до сих пор вопросы орфографии не решали лингвисты, их решала сама жизнь. Возьмите любую письменность у культурных народов. Несмотря на то, что у них имелись крупные лингвисты, они мало помогли построению орфографии, потому что до сих пор лингвистика являлась «чистой наукой». В дальнейшем она должна помогать и практическому письму.

Арабское правописание основано на историческом принципе правописания. Оно было продиктовано не невежеством арабов, а являлось результатом особенностей арабского языка. Собственно, арабская филология была настолько развита, что современная фонетика, в мощностъ которой так верит наш тов. Шонанов, мало опередила арабскую фонетику, которая существовала несколько сотен лет тому назад. Эта самая ассимиляция и диссимиляция давно были известны и, пожалуй, наши мугалимы хорошо знают об этом и помнят, что такое **م اغدا, افخا** (ихфа, идгам). Но не этой арабской филологией были выработаны принципы арабского правописания, их выработала природа арабского языка, имеющего трехсогласный корень и бедность гласных. Все это обусловило морфологический принцип.

Я немного коснусь одного пункта речи проф. Н. Э. Вундцетель в отношении невозможности сочетания двух согласных. Но об этом несколько ниже. У нас, оказывается, тов. Байтурсунов выступал в печати немножко ближе к морфологическому принципу, что «дар», «тар», «дер», «тер» должны писаться как «дар» и «дер» и только. Это, собственно, происходит от той же иллюзии, будто «дар», «ды» и прочие, суть первоначальные, нормальные формы приставки – архетипы, а все остальное «тар», «ты» – болезненные отклонения. Никто не установил, что чему предшествовало, это никому не известно. Наши алтайские языки в древности не имели, вероятно, дифференциацию по принципу звонкости и глухости звуков, как это имело свое отражение в уйгурской письменности, где «п» и «б», а также «к» и «г» обозначаются одной и той же буквой.

Это все нам показывает, что в сознании тогдашних тюрков, которые писали на этом алфавите, эти буквы не отличались так друг от друга. В одном из наиболее отдаленных тюркских языков мы и теперь видим это. Сейчас чувашский язык, например, не знает различия глухих и звонких. Глухие звуки в открытом слоге превращаются в звонкие, а в закрытом – в глухие; слово *лошадь* **ут** в дательном падеже будет **уда**. Не могут они улавливать отличия глухого звука от звонкого: по ним не дифференцируются слова. В дальнейшем на основе общего развития языка начинается дифференциация по признаку глухости и звонкости. Считать один из звуков архетипом совершенно неправильно. Здесь они равноправны и должны иметь равноправие в нашей орфографии.

К тому же морфологический принцип правописания невозможен потому, что морфологическая классификация нашего языка очень трудна. Тов. Кеменгеров в отредактированной им грамматике Архангельского указывает на невозможность морфологической классификации имен в казахском языке; прилагательные нельзя

отличить от существительных по формальным признакам потому, что формальные частицы тюркских языков являются более поздними образованиями: они не везде заменили синтетические образования. Наш язык – язык агглютинирующий. Это значит, он не достиг флективной стадии. Хотя некоторые говорят, что флективность не есть признак развитости, что английский язык вернулся к аморфному виду, но уже одно из новейших течений лингвистики доказывает, и я вполне этому верю, что флективная стадия есть более развитая стадия. Кроме того, тюркологи высказались, что у нас, в нашем языке есть пережитки аморфно–синтетического строя. Это видно и там, где прилагательные образуются из имен существительных без формальных принадлежностей. Это говорит о том, что они образовались не путем формального прибавления частиц. Здесь играет роль место расположения в предложении той или иной части речи. Следовательно, даже и грамматику лучше было бы построить не только на одном морфологическом принципе, но и на смешанном морфологическо–синтаксическом. Если язык уже переживает такую стадию, то нет смысла предлагать на морфологическом принципе и орфографию. Конечно, здесь самый убедительный принцип – это фонетический.

Теперь попутно коснусь немного и деталей. Я не хочу делать лингвистической отшлифовки к формулировкам докладчика, хотя у него имеются некоторые неточности в них, ибо докладчик не претендует быть лингвистом. Относительно того, что согласные звуки в начале слова не могут стоять подряд, объясняется так: согласные не только в начале слова, но и вообще в слоге не могут стоять подряд, ибо нет тюркских слогов без гласных, и подряд согласных никогда не сочетаются в нашем языке, за исключением сочетания гласный+сонорный+глухой взрывной. В других тюркских языках есть сочетание согласных, но это орфографическое обозначение – явление условное. Говорить же, что это явление (невозможность сочетания согласных) общее для всех недоразвитых языков – неправильно. В семитских языках стоят подряд три согласных, хотя в последнее время слова разделяют диакритическим знаком, например, *бить* – «зарыбун», *бил* – «зараба», *бился* – «зурыба». Начертание без гласных говорит о том, что все-таки гласные были мало ощутимы. Н. Э. Вундцетель говорил, что это уже есть особая принадлежность наиболее развитых языков. Я понял его так, и если так, то не хочу с этим согласиться, потому что в отношении богатства гласными тюркские языки не имеют другого претендентов. Недавно на узбекской конференции предлагалось 18 гласных, так что в этом отношении тюркский язык богат. Но это не признак отсталости, недоразвитости языка, а наоборот, как было указано еще Бодуэном-де-Куртене, признак развитости.

Я вполне поддерживаю мнение, что языки агглютинирующие языки более отстали по сравнению с флективными языками, но в то же время, в отношении фонетическом, наоборот, они более развиты. Одной из новейших лингвистических теорий доказано, что первоначальная человеческая речь состояла из слитных звуков, впоследствии же эти аффрикаты разложились и потом между ними появилась огласовка. Отсутствие огласовки, т.е. соседство в слоге двух согласных, есть явление более раннего периода, а не признак отсталости, недоразвитости.

На этом я заканчиваю...

Председатель: *Еще какие дополнения?*

Жубанов. Послелог (если можно так назвать) *кәрі*, оказывается, всегда сочетается с исходным падежом *дан* и следует за ним, за сонорным, что озвончает глухой *к* и получается не *кәрі*, а всегда *гәрі*. Если не ставим тире между ним и предыдущим словом, т. е. не указываем распространимость поля влияния предыдущего слова на *кәрі*, на озвончающее его влияние, то оно как самостоятельное слово читается *гәрі*. Поскольку постоянная неизменяемая форма *гәрі* и поскольку наша орфография фонетическая, то, не считаясь с тем, что *кәрі* произошло от глагола *кәр*, мы должны принять единую форму *гәрі*...

Я поддерживаю тов. Кеменгерова в вопросе о научной дисциплине. «Техника», «физика» – эти слова так должны прививаться. Мы через русский язык принимаем европейские термины. Здесь нет никакого затруднения.

ПРОЕКТ КАЗАХСКОГО АЛФАВИТА¹

Казахский алфавит утверждается в следующем составе (в их алфавитном порядке): Aa, Bb, Cc, Dd, Ee, Gg, Hh, Ii, Kk, Ll, Mm, Nn, Hh², Oo, Pp, Qq, Rr, Ss, Tt, Uu, Yy, Xx, Zz, Ъ, апостроф, всего 25 букв и один смягчающий знак.

а) Из состава казахского алфавита исключаются как лишние следующие буквы: **o, ə, j, c**.

б) Буквы **ғ** и **с** исключаются из-за неудобства их начертания и заменяются: **с** – вновь вводимой буквой **z**, имеющейся в соответствующем для данного казахского языка значении в унифицированном алфавите, а **ғ** – буквой **h**, имеющейся в казахском алфавите, но не имеющей соответствующего звука в составе казахского языка.

в) В состав казахского алфавита вновь вводится буква **z** с установленным в унифицированном алфавите значением.

г) Соответственно природе казахских звуков, произносимых двояко: и твердо, и мягко, все буквы казахского алфавита, за исключением **l, k, g** (звуки которых произносятся исключительно мягко), обозначают и твердые, и мягкие разновидности соответствующих звуков, тем самым гласные освобождаются от возложения на них лишних нагрузок – быть знаком различия твердости. Мягкость звуков, входящих в состав слова, обозначается и определяется наличием букв **l, k, g**, а где их нет, там ставится перед словом смягчающий знак (апостроф). Письменные изображения слов, не снабженных апострофом и не имеющих в своем составе звуков **i, k, g**, читаются как твердые сочетания.

Так, налицо возможность без вреда для дела выбросить из казахского алфавита шесть букв, из них четыре (**o, ə, ғ, c**) – поллиативы те же самые, которые представляли наибольшее неудобство, и две из шести – основные латинские (**u, j**), звуковые значения которых вполне передаваемы оставшимися в алфавите буквами.

Из указанных шести букв (**o, ə, й, v**) исключаются как лишние и две (**с, ғ**) заменяются другими более удобными буквами: **с** заменяется буквой **z**, наличной в унифицированном алфавите со значением, соответствующим казахскому языку; **ғ** заменяется буквой **h**, имеющейся в самом казахском алфавите, но совершенно не использующейся из-за отсутствия в казахском языке соответствующего придыхательного звука. Правда, мы несколько уклоняемся от всеобщего звукового значения этой буквы, но подобных уклонений полон всякий алфавит.

Таким образом, целиком устраниются недостатки первого рода; ко второго рода недостаткам, т. е. к тем, которые присущи только казахскому использованию латинизированного алфавита, следует отнести.

1. При переходе на латинизированный алфавит перенесены на него худшие традиции арабского алфавита, вместо того чтобы, пользуясь преимуществом латинского, избавиться от подобных недостатков арабского алфавита.

Из-за нехватки букв при арабском алфавите ряд полных гласных букв казахского языка обозначался удвоенными начертаниями. Так, вместо одной буквы

¹ Статья взята из материалов ЦГА КазССР, ф. 81, оп. 3, д. 680, лл. 103-105. Первый раз публиковалась в кн. Х. К. Жубанова «Исследования по казахскому языку» в 1966 г.

² Здесь и далее буквы **Hh, Zz, Fz**, отсутствующие в типографии заменены современными **h, z, g**. – *Редколлегия*.

u (русское **у**) надо было употребить четыре пары (**uv-yv**) и вместо одной **i** (русское **и**) – две пары (**ьj, ij**). С переходом же на латиницу эти недостатки не были изжиты, как следовало бы ожидать, они сохранились до сих пор. До сих пор мы обозначаем двумя парными буквами **u** (**uv - yv**) и **i** (**ьj, ij**). Вся экономия в этом отношении заключается в том, что вместо четырех пар букв, одинаково обозначающих звук **u** при арабском, употребляется две пары.

Чтобы изжить окончательно вредное наследие арабского алфавита, необходимо (и это вполне возможно) отказаться от каких бы то ни было двойных начертаний, тогда две пары **uv, yv** заменит одна буква **u** и две пары **ьj, ij** – одна **i**. Это не только не вызовет затруднений, но и сделает излишними для казахского алфавита буквы **j** и **v**, поэтому мы исключаем их из алфавита.

2. Если первый недостаток этого рода заключался в перенесении плохих сторон арабского алфавита на латинский, то второй в противоположность первому характеризуется отказом от единственно положительного достижения казахского арабизированного алфавита в деле приспособления чужой графики к особенностям казахского языка. Это система введения в алфавит смягчающего знака, благодаря которому количество гласных букв сокращается чуть не наполовину.

Дело в том, что каждый звук казахского языка (за исключением трех: **l, k, g**, которые звучат всегда мягко) имеет по две разновидности звучания: твердое и мягкое в зависимости от того, каково его фонетическое окружение в слове, иногда даже в слове. Сочетание твердого и мягкого звуков в одном слове, часто даже и в целом слове, – явление, невозможное для казахского языка.

Эта особенность казахских звуков дает возможность (собственно говоря, так и только следует) обозначать обе разновидности одного и того же звука одной буквой, а для различения мягкости или твердости звуков, вошедших в состав слова, достаточно поставить смягчающий знак перед словом. С 1912 года, когда впервые была выработана эта система и произошла реформа арабского алфавита, по 1930 г., когда арабский алфавит правительственным декретом был изъят, т. е. в течение 18 лет казахские слова писались по этой системе, причем никаких недостатков, кроме таких, какие свойственны природе арабского алфавита, не ощущалось. Надо заметить, что и отказ от этой системы при принятии латинского алфавита произошел, собственно говоря, по нажиму Ученого совета ВЦКНА, а не по инициативе Казахстана.

Система эта, наиболее соответствующая особенностям казахского языка (собственно не только казахского), удобна и теперь, при новом алфавите, так как она несколько не связана с графической природой арабской письменности и с тем же успехом одинаково применима ко всем системам алфавитов.

Для доказательства применимости этой системы достаточно сослаться на «проекты алфавитов для всех языков» известного дилетанта – профессора Яковлева, дважды «открывшего Америку» своей математической формулой построения алфавита (см. его доклад на Тюркологическом съезде и статью в журнале «Культура и письменность Востока», 1928, № 1), где он обосновал письменность «математически сформулированного алфавита» применительно к латинской графике. Что же касается существа дела, то премудрая «математическая формула построения алфавита» была лишь ученым плагиатом. Это была

перевоплощенная в математику казахская система сокращения букв, созданная для заметания следов, как и сознавался сам Яковлев.

Если применить эту систему, то казахский алфавит сократит число букв с 29 (что налицо теперь) до 25 и в состоянии будет освободиться как удвоенных обозначений долгих гласных, так и от паллиативных букв. К тому же становится возможным ликвидировать тот разрыв, который существует между изображениями международных слов и их обозначениями в казахском.

Против введения этой системы могут быть выдвинуты два возражения.

1. Что авторство этой системы принадлежит классовому врагу казахских трудящихся.

2. Что это будет возвратом к старому, пройденному этапу развития казахской письменности.

Ни то, ни другое из этих возражений несерьезно и оба они далеки от вопроса о «возврате к старому» и к вопросу о наследии, нетрудно убедиться.

Когда-то Дюринг обвинял Маркса в «возврате к старому», к первобытному коммунизму, но и вся история с тех пор все продолжает доказывать, что есть полный возврат – замыкание круга и есть приближение, повторение, «развитие по спирали», идущее по закону отрицания, что первый тип возврата равен покою, а второй вид «возврата» есть высший принцип развития.

И впредь в нашем повторении системы сокращения букв – полный возврат к 1912 году, что было бы неизлечимой слепотой.

И второе возражение не выдерживает критики, потому что всякое культурное и иное достижение, оставленное нам нашими врагами, – это наше законное наследие так же глупо, как было бы глупо отказаться от хороших фабрик, транспорта, университетов и других ценностей, оставленных буржуазией, и отказаться просто потому, что они до их национализации принадлежали классовому врагу. Мы не откажемся ни от чего, что составляет лучшее в творениях предыдущей истории, если оно в наших руках может быть полезно для нас.

3. Третий недостаток, имевший место в казахском алфавите, это то, что он был заполнен лишними, без всякой надобности введенными буквами тогда как прекрасно можно было бы обойтись без них. Такими лишними буквами в казахском алфавите были буквы: **h, j, v**. Первая буква была совершенно излишней потому, что в казахском языке она не употребляется, если не принять в расчет 2-3 междометий можно ввести буквы: нет соответствующих звуков. Вторая и третья буквы (**j, v**) не нужны потому, что звуки, которые ими обозначаются, можно и легче передавать гласными буквами **i, u**. Поэтому вторая и третья буквы исключаются из алфавита, первая (**h**) сохраняется с измененным значением, соответствующим значению исключенной из алфавита буквы **ғ**.

К ПРОЕКТУ РЕФОРМЫ КАЗАХСКОГО АЛФАВИТА¹

Недостатки действующего казахского алфавита можно свести к следующим двум моментам.

1. Недостатки, присущие всей системе нового латинизированного алфавита, т. е. не только казахскому алфавиту, но и всем разновидностям унифицированной системы графики.

2. Недостатки, имеющие отношение только к использованию латинизированного алфавита в казахском языке.

К первого рода недостаткам относятся формы тех букв, которых не было в самом латинском алфавите и которые были введены из-за необходимости обозначать звуки, отсутствующие или не обозначающиеся особым знаком просто по традиции в европейских языках. Подобные новые буквы создавались либо путем заимствования из других алфавитов (например, заимствование буквы **ъ** из русского и **g** из немецкого готического алфавита), либо путем изменения форм более близких по звуковому значению латинских букв, снабдив последние дополнительными штрихами (перечеркивание, прибавление хвостика, перевертывание, растягивание ширины, снятие поперечных черточек и т. д.). Так, на графической базе латинских букв образовались новые буквы-паллиативы: **ø** (перечеркнутая **o**); **c**, **n** (снабженные хвостиком **c**, **n**); **э** (перевернутая **e**); **g** (растянутая **g**); **z** (**z** со снятой поперечной черточкой).

Неудобства этих паллиативов заключается в том, что в силу графической несовершенности не только в скорописи, но и в печатном тексте они смешиваются между собой, становятся неразличимыми фигурами: **e**, **э**, **ø**, **o** – с одной стороны, и буквы **c**, **g**, **z** – с другой; при наличии буквы **j** фигура **g** смешивается с сочетанием букв **oj** и т. д.

Эти неудобства настолько ощутимы, что наши издательства и редакции газет периодически терпят колоссальный убыток из-за потери бумаги при конфискации целых тиражей газет и учебников из-за наличия в тексте вызванных этими недостатками грубых искажений, часто превращающихся в нецензурные выражения.

В лучшем случае подобные искажения устраняются с помощью наклеек, что вызывает не только дополнительные расходы и работы, но и задерживает поступление продукции печати к читателям.

Эти недостатки нового латинизированного алфавита уже давно замечались всеми, и в настоящее время (надо сказать с большим хвостистским запозданием) занимается этим вопросом сам ВЦКНА², но пока еще он не смог найти выхода из создавшегося положения. Не будет, пожалуй, пророчеством, если скажем, что ВЦКНА не в состоянии разрешить этот вопрос пока не изживет нынешнюю свою замкнутость, кабинетный характер своей работы, пока будет по-прежнему оторван от практического культурного строительства мест и пока не возьмет курс на

¹ Статья взята из материалов ЦГА КазССР, ф. 81, оп. 3, д. 378. Впервые опубликована в книге: Х. Жубанова «Исследования по казахскому языку», Алма-Ата, 1966. - *Редколлегия*.

² **ВЦКНА** – Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (латинизированного). – *Редколлегия*.

дифференцированное изучение условий каждой нацреспублики, чтобы выяснить фактические возможности каждой в отдельности.

Эти недостатки, присущие всей системе унифицированного алфавита, вполне устранимы для казахской письменности, если только будут учтены звуковые особенности казахского языка. Буквы-паллиативы, представляющие наибольшие неудобства, и кое-какие из основных латинских свободно можно исключить из состава казахского алфавита, причем одни из них будут исключены как лишние, из-за ненужности, а другие могут быть заменены более удобными основными латинскими буквами, вошедшими в состав унифицированного алфавита.

О буквах для согласных звуков

Ни одна из существующих букв, употребляемых для изображения согласных звуков, не может быть исключена из алфавита: они необходимы и затруднений с ними в письме мало.

Живой казахский язык (в особенности Южного Казахстана) имеет еще три согласных звука, которые не включены в казахский алфавит. Это **f**, **h** и **x** (первые две – в международном употреблении, а последняя – в русском). Северные казахи (более татаризованные) звук **x** заменяют звуком, **g** но не заменяют, а просто игнорируют звуки **f** и **h**, существующие и в их живом языке. Перспектива развития казахского языка, тенденция обогащения этого языка терминами и словами, обозначающими технику и действия современной культуры, из иностранных языков (преимущественно из русского) не дадут возможности так просто их игнорировать. Из учета этого и необходимости унификации алфавита с остальными алфавитами турецких народностей следует ввести в казахский алфавит эти три согласные буквы: **f**, **h** и **x**.

Об апострофе в казахском письме

Апостроф сохранить как знак препинания без какого-либо буквенного значения и без придачи значения толкователя твердого или мягкого произношения звуков и слов. Апостроф – знак подчеркнутой паузы в середине одного и того же слова и ничего больше. Апостроф разделяет условное сочетание букв в одном слове: сокращенных названий от приставок и окончаний к ним.

Об иностранных словах в казахском языке

Необходимо установить три условия при введении в казахский язык иностранных слов и советизмов:

- 1) принимать без изменения первоначальные слова в русском варианте, а не производные от них слова;
- 2) при склонении и спряжении первоначальных слов употреблять только казахские окончания;
- 3) все производные слова от первоначальных слов производить согласно с законом казахского языка.

Примеры: *федерация* – federatsija, *федерировать* – federatsijalav; *классификация* – klassifikatsija, *классифицировать* – klassifikatsijalav; *коммунист* – kommunist, *коммунистический* – kommunist; *Коммунистический интернационал* – Kommunist international.

Кроме того, нельзя ограничивать введение международных терминов и советизмов. При этом следует совершенно игнорировать теоретизированные законы сингармонизма из расчета, что сингармонизм – не такая постоянная категория в казахском языке, что международные термины и советизмы преодолеют эту преграду не хуже арабских слов: gudret, qъzmet, qasiet, qurriet и т. д.

26. VI. 1934 г.

К ПЕРЕСМОТРУ КАЗАХСКОЙ ОРФОГРАФИИ¹

Орфография и терминология составляют важнейшие элементы всякого культурно развивающегося языка. Составляют важнейшие элементы именно потому, что они имеют касательство ко всем отраслям культуры языка, начиная с обучения грамоте и кончая высшими формами проявления языковой деятельности, именно – языковым выражением достижений революционной практики, науки и техники. Особенно важное значение орфография и терминология приобретают там, где орфография и терминология обращены здесь лицом к широкой массе трудящихся и имеют основным заданием своим приобщение их к культуре.

Поэтому тот или иной характер орфографии и терминологии в значительной мере определяет доступ широких масс к грамотности, к культуре вообще.

Прекрасным примером этого может служить современная английская орфография, о которой еще Энгельс заметил: «А если принять во внимание запутанную английскую орфографию, при которой чтение является истинным искусством и может быть достигнуто лишь после долгого изучения, то невежество рабочего класса умеют понять лишь немногие, а писать орфографически правильно не умеют даже многие образованные люди». (Сочинения Маркса и Энгельса, т. III, стр. 403).

Если же такая запутанная, доступная лишь немногим, орфография была допустима в условиях буржуазной Англии и Америки, об орфографии господствующего языка которых и идет речь у Энгельса, и если даже такая запутанная орфография была совместима с передовой буржуазной культурой, какая налицо в Англии и Америке, то при диктатуре пролетариата вовсе не может быть речи о подобающем развитии культуры, когда она, культура, недоступна трудящимся массам — самим носителям этой культуры.

Поэтому не может идти речь у нас о каком бы то ни было запутывании орфографии множеством исключений и обилием не отвечающих языковой действительности «академических» правил. Именно поэтому не может считаться правильной имеющая место в известных кругах ссылка на английскую орфографию, будто запутанная орфография англичан не помешала последним стать передовым культурным народом, как и несостоятельны доводы о том, что самый наихудший способ письма в мире – японский – не помешал японцам подняться до уровня Европейской цивилизации («Энбекши қазақ» за 1924 г.).

Японский алфавит и орфография, если так можно выразиться в отношении к японской письменности – иероглифической в основном и слоговой отчасти, действительно представляет собою один из худших способов, хотя не самый худший, как кажется Букейханову. Более того, в традиции Европы каждая официальная нация имеет лишь один литературный язык (исключая Швейцарию, где параллельно существуют три государственных языка), в Японии наличествует несколько литературных языков, представляющих собою последовательные ступени по трудности, со специальными приемами письма для каждой

¹ Статья опубликована в №1 «Бюллетеня Государственной терминологической комиссии» (Алма-Ата, 1935 г.). – *Редколлегия.*

разновидности литературного языка, что особенно затрудняет овладение культурой широкими массами.

В бывшей буржуазно-помещичьей России, где не только арабский и монгольский (Бурятия) письма уступили свое место латинизированному алфавиту, но и один из китайских языков – дунганский – предпочел латинизацию арабскому алфавиту и китайскому иероглифическому письму, которое является графической базой японской письменности.

Итак, первым и основным требованием, которое может и должно быть предъявлено к пересмотру казахской орфографии, безусловно является требование сделать ее максимально доступной трудящимся массам, легкой ее усвоению.

Однако и легкость орфографии, простота ее могут быть истолкованы по-разному. На первый взгляд может казаться единственно правильным положение: чем меньше правил, в особенности, исключений, тем и легче орфография.

Нельзя, конечно, отрицать, что легче усвоить меньшее число правил, чем тогда, когда их больше. Нельзя также отрицать, что гораздо проще орфография, когда незначительно число исключений из правил. Но численность этих правил и исключений переходит по своей минимальности известные грани, поэтому такая «мнимая простота» безусловно дает отрицательные результаты.

Если число правил меньше от того, что содержит в себе не все правила, какие должны быть; если исключений меньше не потому, что их так мало в действительности, а лишь потому, что перечнем исключений охвачены не все исключения, – если дело обстоит так, то понятно, такая орфография не может облегчить усвоение грамотности, а скорее всего, она затруднит, при значительности же подобных премудростей, даже сделает невозможным грамотное письмо на данном языке.

Между тем, такой именно и является действующая казахская орфография. Внешне она проста. Всего 12 правил по части правописания собственно казахских слов и 18 правил орфографирования терминов. При такой «простоте» орфографии, казалось бы, затруднений с письмом не должно быть, следовательно, все должны писать грамотно. Однако, факты говорят об обратном: все пишут безграмотно.

Одно и то же слово – при чем самое употребительное в нашем общественном быту – слово «коммунист», пишется в стольких разновидностях (в 16-ти), сколько нет букв в нем: одни пишут *kōmenes*, другие – *kātynes*, третьи – *kātynis* и т. д. И каждый из пишущих имеет в пользу своего написания такой же ценности основания, какая налицо и в доводах остальных. Никто из пишущих, и судящих о начертании данного слова не в состоянии доказать преимущества своего перед остальными, ибо нет критерия правильности. Так как нет критерия правильности, то получается, что все они одинаково правы, как и одинаково неправы. Это и называем мы приведением правописания в такое состояние, когда грамотное письмо стало невозможным.

Не может послужить оправданием возражение, что-де слово «коммунист» не казахское. Оно здесь и не русское, как не немецкое и т. д. Но оно в то же время и русское, и казахское, и немецкое и т. д. В действительности же оно столько же казахское, сколько латинское, откуда происходит его основа *communis* «общий», «общинный». Более того, казахи имеют больше права считать его своим, нежели рабовладельцы - римляне.

Дело заключается, однако, не в том, чтобы право на правильное письмо было предоставлено на такие лишь слова, которые бы были «чистокровны» по происхождению, а в том, чтобы все слова, которые употребляются в казахском литературном языке, независимо от их происхождения, имели определенное устойчивое изображение в письме, отклонение от которого (изображения) считалось бы орфографической ошибкой. Нерусское и ненемецкое происхождение слова «коммунист» не дает русским и немцам права писать это слово как попало. Оно имеет такое же право быть изображенным правильно как и любое «чистокровное» русское и немецкое слово.

То же самое должно иметь силу и в казахском орфографировании. И если такое слово, как слово «коммунист» и тысячи других подобных, не могли найти себе устойчивого письменного изображения в течение 6 лет за время с 1929 года по сей день, – то для того, чтобы искоренить это зло, необходимо отыскать корень зла.

Понятно, он не заложен в самом слове «коммунист», терпящем столь безбожное искажение у пишущих. Не причем, конечно, и пишущие, поставленные правилами орфографии в такое глупое положение, ибо не за что им ухватиться, чтобы спастись от власти орфографической анархии.

Итак, виновницей во всем этом могла бы быть только сама орфография, одно из правил которой гласит: *«В основу орфографии заимствуемых иностранных слов-терминов положить действующие звуковые и морфологические законы казахского языка»* (курсив наш. – Х. Ж.).

Стеногр. Отчет орфограф.
конференции. 1929 г., стр. 139.).

Чтобы смягчить разрушительные последствия этого применения звуковых законов казахского языка к орфографии терминов, тут же в примечании делается эклектическая оговорка: *«Нужно избегать искажения основы иностранных слов... без особой на то необходимости»*.

(Там же, стр.140).

Руководствуясь этим параграфом правил орфографии, каждый пишущий старается, во-первых, подчинить начертание термина «действующим звуковым законам казахского языка» и, во-вторых, «не искажать основы терминов без особой на то надобности». Но так как никому из них нельзя отказать в наличии их собственных взглядов на вещь, то одному кажется, что он «подчинил звуковым законам казахского языка» и «исказил в пределе необходимости».

И это привело к тому, что орфография, призванная быть регулятором индивидуальных вкусов в письме, в силу забвения ее авторами этих основных ее задач, превратилась в собственную противоположность, стала источником анархии не только в отношении правописания международных терминов, но и собственно казахских слов.

Шаблонное применение ультрафонетического принципа вызвало к жизни путаницу в правописании сомнительных гласных, т. е. таких гласных, наличие которых в произношении неясно или же которые в одних случаях появляются, в других выпадают. Так, один и тот же казах в одном случае может произнести: *asra*,

gamra, Aqmet, kɵbrek, ruv, abralʔ и т. д. (без гласного «ь», «и», «і», а в другом случае те же слова тот же казах произносит с гласными: *asʔra, gamʔra, Aqʔmet, kɵbirek, uruv, iret, Abʔralʔ* и т. д. Сообразно с этим, существующая орфография допускает писать и так, и этак, т. е. не устанавливает устойчивого правописания одних и тех же слов. То же самое следует сказать и в отношении начертания слов: *oʔʔnʔ, qoʔʔnʔ, avʔʔ, caruva, Aluva*, которые могут быть произносимы и соответственно изображаемы в письме и без узких гласных: *qoʔʔnʔ, avʔʔ, carva, Alva* и т. д. Правописание же слов варьирующихся в произношении в еще большей степени в результате индивидуальной особенности каждого произносить по своему или в результате наличия нескольких вариантов звучания одного и того же слова, или же, наконец, в результате диалектной особенности отдельных районов, настолько разнообразно и неустойчиво, что создает впечатление, будто орфография казахского языка вообще не существует. К этой группе относятся слова: *gana*, вариантами *gəne, gəne; ic kim-ekim; edəvir-ədəvir- nedəvir; qarʔn-qarqʔn; cʔjmaʔ-cʔjmaʔ-cʔzbaʔj; kerbis-kerp-ic, kiripic; bijbastaq-bejbastaq, bij bastaq, bej bastaq; gəntik-gəndik; cʔnara-cinara, cin-ara, icin-ara, icinara; sargan-sargʔn*.

Совершенно неразрешенным орфографией 1929 года и до сих пор остающимся неясным является вопрос о правописании сложно-слитных слов, вызывающих наибольшее число ошибок и спорных моментов вроде: *garʔganat (gar qanat), qolʔgabʔs (qol qabʔs), garʔm es- gərmes, iʔin agac-iʔinəgʔac, ac-kəz-ackəz, gazdʔz khni-gazdʔ khni-gazdʔ khn-gazdʔghn, gazʔʔ tur-gazʔʔturʔm-gazʔʔtur-gazʔʔturim; baragatʔr-baratʔr-barat* и т. д.

Примеров подобного порядка можно было бы привести до бесконечности. Но считаем, что и этих примеров достаточно, чтобы видеть, насколько наивны люди, которые восхищаются преимуществом существующей казахской орфографии и считают, что современная казахская орфография блестяще изображает подлинно казахские слова, что в этой части она безупречна, что если имеются кое-какие ее недостатки, то это мол лишь в правописании иностранных слов. Этих примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что ряд вопросов лингвистического порядка, имеющих прямое отношение к орфографии, остался при установлении существующей орфографии «сырым», не разработанным соответственно и правила орфографии были выработаны без учета этих вопросов.

Следовательно, кажущаяся простота существующей орфографии, меньшее число ее правил обусловлено не тем, что на основе глубокого знания частных случаев был найден способ сведения этих частных случаев к немногочисленным общим положениям – общему знаменателю, а тем, что просто опущено многое из того, что должно было занять место в правилах орфографии.

В вопросе правописания терминов старая орфография отделалась перечислением нескольких несущественных моментов, оставив неотраженным в правилах самые главные.

А в орфографировании собственно казахских слов упущено немало таких недостатков, на которые мы указывали выше. Именно потому, что малочисленность правил существующей орфографии не отражает действительность языка, является искусственным уменьшением числа правил, что совокупность наличных правил не охватывает всего того, что следовало бы орфографически урегулировать, – поэтому действующая орфография, несмотря на

внешнюю простоту, явилась источником анархии в письме. Как видно из этого, орфографию делает легкой для усвоения не огульное сокращение числа правил, не огульное уменьшение количества исключений, а установление того минимума правил и исключений, что диктуется языковой действительностью, что делает орфографию возможно адекватным отражением того языка, для которого она и устанавливается.

Отсюда следующее требование к пересмотру казахской орфографии; именно требование избегать упрощенчества, искусственных уменьшений числа правил и исключений, требование создать такую орфографию, совокупность правил которой отразила бы необходимый минимум реально существующих норм казахского языка.

Причиной тому, что сама орфография обуславливала эту анархию в письме, послужила неправильная установка, взятая авторами существующей орфографии в вопросе о том, что такое казахский язык данного периода и куда он идет в своем дальнейшем развитии. Выяснение этого вопроса было необходимо, так как орфография казахского языка данного периода должна была создаваться по образу и подобию языка именно этого периода.

Авторы же существующей орфографии забыли, что не бывает языков вне времени и пространства, а лишь существуют языки определенного времени, определенного места, определенным образом организованного языкового коллектива. Так как нет и не может быть невременного языка, то выяснить временную определенность, временное различие языков – равносильно выяснению различий одного языка от другого.

Нельзя говорить о казахском языке вообще, о казахском языке одинаково для всех времен, а можно и должно говорить лишь о казахском языке определенного времени. Казахский язык времен Касым–хана, казахский язык времен Николая II и казахский язык эпохи строительства социализма в одной стране – различаются так же, как может отличаться один язык от другого. Не поставив этого вопроса, вернее разрешив его в корне неправильно, они тем самым в корне неправильно разрешили вопрос об орфографии.

Под казахским языком они понимали дореволюционную стадию развития его со всеми присущими этой стадии языковыми нормами (хотя, впрочем, при весьма слабом представлении о них), причем эти нормы мыслились данными раз и навсегда, застывшими, неизменяющимися, не подлежащими изменению.

Отсюда стремление сохранить эти ветхие нормы их самобытной «святости», всяческое избегание иноязычных элементов в языке и письме, стремление создать такое орфографическое условие, при котором бы не казахский язык подчинился ходу развития интернационализирующейся мировой истории, а наоборот, интернационализирующаяся мировая история подчинилась бы дореволюционному уровню казахского аула, плоды же этой интернационализации – интернациональные слова – соответственно переоделись бы в казахскую фонетическую шубу.

Всю дикость подобной постановки вопроса авторы хотели прикрыть оговорочкой «лишь бы не искажалась орфография без особой на то надобности ...», совершенно замалчивая о том, при какой кройке этой казахской шубы из-под нее можно будет узнавать искаленное ими тело интернационального слова.

Мы употребляем выражение «дореволюционная норма казахского языка» вполне сознательно, так как все, до сих пор известные нам из учебников и исследований, звуковые и иные нормы казахского языка суть нормы, установившиеся до революции. Какие же изменения внесла революция в казахский язык, какие на этой основе выработались и намечаются новые нормы, – этот вопрос не только не исследован, но и не поставлен, как проблема. Более того, многими из наших лингвистов отрицаются наличие и возможность новых норм.

Понятно после этого, что люди, старающиеся так или иначе подчинить орфографию интернациональных слов законам казахского языка, тем самым, становятся на позицию подчинения законам дореволюционного казахского языка.

Самое стремление подчинить орфографию международных слов звуковым законам казахского языка исходит из анализа способов, какими дореволюционный казахский язык осваивал иноязычный материал. Арабско-персидские слова, проникающие в казахский язык в условиях отсутствия непосредственной связи казахов с арабами и в условиях своеобразных общественных отношений у казахов не могли оставаться в более или менее чистом виде, а подвергались сильному звуковому изменению, часто приводившему к неузнаваемости арабско-персидского их происхождения: многие арабские звуки выпадали за отсутствием соответствующего их эквивалента, многие звуки изменялись и превращались в другие звуки и т. д.

И в этом изменении, в этом подчинении арабско-персидских слов особенностям казахского языка выработались известные нормы перехода известных звуков и звукосочетаний, не свойственных казахскому языку, а свойственные последнему. Изучив и установив эти нормы изменения звукового облика арабско-персидских и немногочисленных русских слов, проникших в казахский язык до Октября, Х. Досмухамедов пришел к выводу, что и международные слова-термины будут и должны проникать в казахский язык по тем же законам, какие установились при проникновении арабско-персидских слов.

Этот якобы эмпирический вывод стал теми научными костылями, на которые опирались прежние авторы в вопросе создания казахской терминологии. Орфография терминов под соусом подчинения звуковым законам казахского языка настолько искажалась, что сами термины стали неузнаваемы и никому непонятны.

Действительно, трудно было узнать слова: «футурист», «осмос», «лаборатория» из-под графико-акустических фигур «путыршы», «оспыс», «лебиретир».

Вся ошибочность и неправомерность концепций Досмухамедовых и Байтурсуновых о «категорическом императиве», имманентно присущем природе казахского языка, в силу которого последний якобы всегда при всяких условиях и со всяким заимствованным языковым материалом будет поступать так же, как до сего времени с арабско-персидской лексикой начали давать знать о себе уже к моменту установления действующей орфографии – в 1929 году.

В таких словах, как «радио» и «кино», звук «о» не переместился к началу, как уверяли они, а остался на месте; слово «газ» не стало звучать «каз» или «кез», как понравилось бы им. Иначе говоря, дал о себе знать факт зарождения новых закономерностей, являющихся результатом нового содержания и новой формы общения.

Собственно говоря, эта эклектическая оговорочка, на которую указали мы выше, оговорочка о «неискалечивании орфографии терминов без особой на то необходимости» и была лишь вынужденным, но не доведенным до конца, признанием наличия этих новых закономерностей, признанием невозможности провести последовательно принцип подчинения орфографии терминов законам, установившимся на базе арабско-персидских заимствований.

Но тем не менее осознание этого факта и теми, кто относился к этому вполне доброжелательно, не было достаточно глубоко и в силу этого, тенденция подчинить новый этап развития казахского языка дореволюционному его уровню, не получила достаточного отпора. В результате тенденция эта в довольно утонченной форме, в форме эклектических оговорочек, нашла себе отражение в существующей орфографии.

Так как новый этап развития казахского языка не мог укладываться в рамки норм, выработанных за время X–XX столетий, то эти новые закономерности местами взрывали изнутри не по ее размеру изготовленную орфографическую оболочку языка и давали о себе знать в форме той анархии в письме, свидетелями которой мы являемся сегодня, превратив существующую орфографию в источник орфографической разнузданности.

Орфография 1929 года, скроенная по росту дореволюционного казахского языка, а потому консервирующая его на дореволюционном уровне, изолируя казахский язык от его окружения, создала анархию в письме, и вместе с тем, послужила большим препятствием дальнейшего нашего языкового развития. Отсюда неоспорима законность следующего требования, которое должно быть предъявлено к пересмотру казахской орфографии, именно, требование создать такое орфографическое условие, которое бы не задерживало, а облегчало дальнейшее развитие казахского языка путем всяческого поощрения прогрессивных тенденций, намечающихся в самом языке.

ПРОЕКТ ИЗМЕНЕНИЙ ОРФОГРАФИИ И АЛФАВИТА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА¹

1. Устранить существующий способ обозначения некоторых гласных сложными двойными буквами: **uv, yv** (для гласного, приблизительно соответствующего русскому «у») и **ьj, ij** (для гласного, приблизительно соответствующего русскому «и»), заменив первые две пары букв одной буквой «**u**» и вторые две пары – одной буквой «**i**», буквы же «**u**» и «**i**» употреблять как в значении «**uv**», «**yv**» (**u**) и «**ьj**», «**ij**» (**i**), так и в значении «**v**» (**u**) и «**j**» (**i**). Так, вместо

прежнего	<i>Suv</i>	писать	<i>Su</i>
«	<i>Kesuv</i>	«	<i>Kesu</i>
«	<i>Oqьjdь</i>	«	<i>Oqidь</i>
«	<i>Bekijdi</i>	«	<i>Bekidi</i>
«	<i>Sav</i>	«	<i>Sau</i>
«	<i>Gev</i>	«	<i>Geu</i>
«	<i>Sajlav</i>	«	<i>Sailau</i>
«	<i>Gejdi</i>	«	<i>Geidi</i>

В связи с этим существующие буквы «**v**» и «**j**» исключить из состава казахского алфавита, как лишние.

2. Твердые и мягкие разновидности гласных звуков обозначать не двумя разными буквами, как это имело место в существующем алфавите, а одной буквой. Так, вместо прежних двух букв «**а**» (для твердой) и «**ә**» (для мягкой) оставить одну букву «**а**».

Вместо прежних букв «**о**» (для твердой) и «**ө**» (для мягкой) оставить одну букву «**о**». Также вместо одной буквы «**u**» и «**y**» оставить «**y**», а вместо «**ь**» и «**i**» оставить «**ь**».

Буква «**е**» остается по-прежнему в одном мягком значении. Таким образом, вместо прежних 13 букв по значению и 17 букв по числу знаков (**uv, yv, ij, ьj**, каждая по 2, всего 8 знаков) оставляются 7 букв, 7 знаков.

В связи с этим, как лишние, исключаются из алфавита буквы–паллиативы: «**э**» и «**о**», представляющие наибольшее неудобство при чтении и письме (смешиваются друг с другом и с буквой «**е**»).

Мягкость звуков начального слога, когда в составе этого слога не звук «**е**» (который сам сообщает мягкость), отмечается особым смягчающим знаком, для чего вводится апостроф ('), который ставится впереди слова на уровне верхнего края. Обозначать же мягкость или твердость звуков далее первого слога нет никакой надобности.

Вариант

¹ Проект впервые опубликован в №2 «Бюллетеня Гостерминкома», Алма-Ата, 1935 г.; затем в кн. Х. Жубанова «Исследования по казахскому языку». Алма-Ата, 1966. – *Редколлегия*.

В случае, если необходимо отметить мягкость отдельных согласных звуков (что может случиться довольно редко в правописании международных слов), то надо отметить это апострофом, поставив его перед согласным, который звучит мягко: *a'lbom, ka'lkulatsia, a'lmanaq*.

Итак, состав казахского алфавита устанавливается в следующем виде:

а) согласные:

старые – b, c, c, d, g, ғ², h, k, l, m, n, ң, q, p, r, s, t, z, v, j = 20.

новые – b, c, c, d, g, ғ, h, k, l, m, n, ң, q, p, r, s, t, z = 18.

б) Гласные:

прежние – a, ә, o, ө, u, y, ь, j, uv, uv, ьj, ij, e = 13.

соотв. новые – a, o, y, ь, u, i, e = 7.

Всего букв в старом алфавите (фактически) 33, в новом будет 25+1 знак.

3. Ограничить употребление беглого гласного «ь», не обозначая его в письме там, где это не необходимо:

а) в начальном открытом слоге (т. е. в слоге, состоящем из двух звуков, первый из которых – согласный, а второй – гласный – c+r), когда за ним следует слог с полным гласным (полногласные) a, o, e, i.

Таким образом, вместо теперешних: *сьлан, сьлув, билек, пролетарий, пирижма* – писать: *clan, clu, blek, proletari, prizma*. Там, где за открытым слогом с беглым гласным «ь» следует слог опять с беглым гласным «ь», там «ь» не опускается: *сьрт, 'бьрт 'сьлк, ььрқ, сьрқ, зььр*.

б) во всех закрытых (гласный+согласный = r+c) и замкнутых (согласный+гласный+согласный = c+r+c) слогах: *згар, qpal, balq, cetm, 'bork, qrman, brqe, cums, blmpaz*.

в) во всех открытых слогах, где отсутствие буквы «ь» не вызывает другого чтения (это в случаях, когда «ь» следует за взрывными и придумными и предшествует сонорным, а также, когда стоит между сонорными, за исключением сочетаний *rl, lm* и удвоения: *asra* (не *асьра*), *azraq* (не *азьрақ*), *сагна* (не *саьгна*), *баqlа* (не *баьqlа*), *batraq* (не *батырақ*), *alnadь* (не *альнадь*) и т. д.

г) в начале слова перед «r», «u», «i», «ь» не отмечается там, где не искажает смысл слова: *ru* – род (не *урув*), но *yru* – бить (не *рув*), *ret* – порядок, последовательность (не *ирет*), но *'bret* – заставить выдрать кожу (но не *ret*) и т. д.

4. Сложно-слитные слова, когда они вместе передают одно понятие, писать слитно: *cermai* – керосин (состоит из двух слов *cer* – земля, *mai* – масло), *bescьldьq* – пятилетка, *yjqoian* – кролик (*yj* – дом, *qoian* – заяц), *qolqap* – рукавицы (*qol* – рука, *qap* – сосуд) и т. д.

5. Частицы, в своем звуковом оформлении подчиняющиеся характеру предыдущих звуков, до сих пор пишущихся отдельно, вроде вопросительного *та?*, *sn* (от прилагательного+*соң*): *barama? barzansn, kelgesn*.

О СПЕЦИФИКЕ СЛОВ-ТЕРМИНОВ¹

² Буквы **g** и **f** здесь и далее заменены **ғ** и **ң**. – *Редколегия*.

¹ Впервые опубликована в №2 «Бюллетеня Гостерминкома» (Алма-Ата, 1935 г.). – *Редколегия*.

Одним из существенных недостатков, присущих нашей терминологической практике, было то, что в большинстве случаев обычные слова, не являющиеся терминами, выдавались за термины и за ними закреплялись определенные стандартные словесные обозначения, что уменьшило гибкость и выразительность казахских слов, сделало их малопонятными, порою совершенно непонятными.

Во избежание этого *необходимо* прежде всего *уточнить понятие термина*, выяснить какое из слов является термином, требующим закрепления за ним определенного стандартного выражения; и какое из них не может быть обозначено одним определенным словом.

Термином называется специфический вид определенных словесных обозначений, передающих определенные понятия, установленные на данном этапе развития науки и практики, причем передаваемое термином терминологическое понятие может не совпадать со словарным значением, которое присуще данной словесной величине в обыденной жизни.

Так как термином обозначается определенное для данного периода научное понятие, причем часто не совпадающее со значением данного слова, то слово-термин остается стабильным, пока не нарушится стабильность того понятия, которое им передается. Часто слово-термин сохраняется и тогда, когда обозначавшееся им ранее понятие изменилось.

Например, термины, первично обозначавшие:

- атом – мельчайший неделимый,
- психология – учение о душе,
- яровизация – превращение озимых семян в яровые.

В дальнейшем с развитием науки понятия, выраженные этими словами, изменились и приняли новое содержание; электронная теория разрушила старое понятие об атоме, как мельчайшей частице тела, далее которой оно, якобы не может раздробляться; психология стала учением не только о душе, но и наоборот, учением, отрицающим существование души, духов; яровизацией стала называться такая обработка семян и пахотного поля, которая не только яровизирует озимые семена, но и ускоряет всходы самих яровых семян и улучшает урожай.

В подобных случаях – а случаи эти имеют место почти у всех терминов – старые термины сохраняются, но в них вкладываются новые содержания. Так как переводятся лишь слова, которыми выражаются научные понятия, а не сами понятия, ибо последние, общие для данного периода, и могут быть только объяснены, расшифрованы, а не переведены, то само собой понятно, что общепринятые термины непереводимы. Те безобразия, которые имели место в казахской терминологической практике, вроде переводов **жан жүйесі** («учение о душе» вместо «психология»), **ортақшыл** («сторонник обобществления» вместо «коммунист»), **пішіндеме** («то, что относится к установлению фигуры», вместо «геометрия») и пр., происходили именно потому, что некоторые пытались переводить непереводимое, т. е. переводить общепринятые термины.

Отсюда возникла необходимость закрепления определенного слова за каждым из этих стабильных понятий, причем слова, установленного в международной терминологической практике, если это есть, тогда как обычные слова, не являющиеся терминами, могут быть заменены другими словами, в

зависимости от богатства лексикона у говорящего или пишущего и от искусства употреблять уместно наличный у него словарный фонд.

Достижения науки и практики с тех пор, как история стала всемирной историей, являются в то же время достижениями мировой науки и практики. В наше время немыслимы такие случаи, чтобы один и тот же закон был открыт независимо друг от друга и Ломоносовым и Лавуазье.

Поэтому и термины, порожденные этими достижениями, являются мировыми, международными. В этом и заключается различие значений слов-терминов от значений обыденных слов. Пока слово не приобретет международного, единого, стандартного на определенный отрезок времени научного понятия, а остается в том значении, в каком принято употреблять в отдельных языках, оно не становится термином. Таковы русские слова «лошадь», «корова», «толстый», «мелкий» и т. д. и их соответствия в казахском языке: «ат», «сиыр», «жуан», «ұсақ». Но в том то и дело, что понятия, передаваемые ими на русском языке, не покрывают тех понятий, которые выражены адекватными на первый взгляд казахскими эквивалентами. Русскому слову «лошадь» соответствует в одном случае «ат», в другом «жылқы», и, наоборот, казахскому слову «ат» соответствует в одном случае русское «мерин», в другом – «конь» и т. д. Казахское слово «сиыр» в большинстве случаев соответствует русскому «рогатый скот» и лишь реже – русскому «корова». Русское слово «толстый» соответствует казахскому «жуан» лишь в выражении толщины цилиндрического тела, а «толстые» же тела имеющие плоскую поверхность, вроде «бумага», в казахском будут не «жуан», а «қалың», «толстая бумага» – «қалың қағаз», но «толстый стебель» – «жуан сабақ». Русское слово «мелкий» соответствует казахскому «ұсақ» лишь в выражении им таких тел, как «камешек» и т. д. («ұсақ тастар» – «мелкие камешки»), но когда им обозначается глубина воды, то передается это казахским словом «тайыз», «тайыз су» – «мелкая вода».

И это вполне естественно, ибо слова являются *не просто названиями предметов, а названиями осознанных предметов*. Так как это осознание происходило в условиях исторического развития отдельных народов, то, в зависимости от конкретно-исторических условий, которые были пережиты каждым языковым коллективом, это осознание бывает различно. Каждый из этих коллективов осознал тот или иной предмет с той лишь стороны, с какой соприкасался он в своей практической жизни и устанавливал связи между явлениями, исходя из той реальной связи, которая ему была известна.

«Восход солнца» для одних народов представлялся как «восхождение на высь», для других – как «выход из помещения», для третьих – как «рождение». То же самое случилось и с понятием «меньшей глубины воды». Русские это связывали с «мелким предметом», а у казахов оно ассоциировалось с «замерзающей водой», с чем связано понятие «скользкости» («тайыз» от основы «тай» – скользить).

В результате такого свойства процесса образования обыденных понятий, соответственно и обыденных слов, слова одних языков, соответствующие определенным словам других языков, всегда соответствуют лишь в одном определении того понятия, которое обозначается этими словами, но никогда не соответствует полностью, ибо обыденные понятия, пока не будут изглажены

окончательно различия в жизни и исторически унаследованном сознании, не будут одинаковыми у различных народов.

Другое дело – научные понятия. Последние определены для конкретного промежутка истории данной науки, независимо от историко-этнически унаследованных сознаний того народа, откуда происходит лицо оперирующее данным понятием. Научное понятие «*линия*» не совпадает с обыденным ее понятием, ассоциирующимся у различных народов с самыми различными явлениями, как и не одно и то же понятие «*пар*» в обыденной жизни и в физике.

Обыденные слова отдельных языков становятся терминами, когда они освобождаются от этой национальной ограниченности, когда они фиксируют определенные научные понятия, не знают уступок сознанию отдельных народов. Казахские слова «*тау сағыз*», «*жабағы*» оставались обыденными словами, откуда они употреблялись как выражения тех понятий, какие вкладывают в них казахи. Но слова стали терминами, когда слово «*тау сағыз*» стало выражать определенное ботаническое и биохимическое понятие, а слово «*жабағы*» – товароведческое.

Поэтому можно утверждать, что национальных терминов не бывает, если не считать практики единичных народов, таких, как арабы и китайцы, в силу исторически сложившихся условий, старающихся создавать все термины из национального языкового запаса.

Поэтому термин всегда международен независимо от того, обозначен ли он словом национальным, вроде «*труд*» и «*деньги*», или же словом межнациональным, вроде «*капитал*» и «*валюта*», ибо понятия, передаваемые как первыми, так и вторыми терминами, одинаково международны и вовсе не присущи какой-либо нации.

Когда национальные рамки становятся тесными, когда возникает стандартизация в производстве в мировом масштабе, как языковое выражение тогда появляются и растут международные термины-стандарты, часто обозначаемые международно-общими словами. Но так как и в эту эпоху все же будут существовать нации и национальные языки, то значительная, быть может преобладающая часть международных терминов будет обозначена словами национальных языков.

Следовательно, и в этот период будут существовать термины, наряду с международно-общими, обозначенные словами национальными. Пропорция между этими двумя типами терминов будет зависеть от конкретно-исторических условий, но в общем удельный вес терминов, обозначаемых международными словами, будет расти по мере развития общества.

Такой, установленный терминологической практикой порядок образования терминов из международно-бытующих слов с одной стороны, и из национальных слов – с другой, должен сохранить свою силу и при создании казахской терминологии.

Таким образом, казахская терминология будет состоять с одной стороны – из интернационально-единых обозначений, с другой – из терминов, создаваемых на базе казахских слов.

Этим и объясняется наша позиция, направленная против перевода интернационально-единых терминов независимо от того, имеют ли они лексические соответствия в казахском языке, или не имеют.

Май 1935 г.

ПРИНЦИПЫ ТЕРМИНОЛОГИИ КАЗАХСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИЕЙ

(Одобрено съездом культурных работников, Алма-Ата, 1935 г.)

Принципы терминологии казахского литературного языка, применяемые Государственной терминологической комиссией¹

1. Термины, имеющие в практике литературных языков международно-единые обозначения без перевода на национальные языки, вроде: **революция, совет, теория, практика, тенденция, медицина, хирургия, климат, абсолютный, конкретный** и т. д., принимать в том же международно-едином обозначении, без перевода их на казахский язык.

2. Международные термины, которые в практике литературных языков переводятся на национальные языки, как-то: **производство, труд, деньги, корень, стебель, мышцы, деление, умножение** и т. д., переводить на казахский язык. Если подлежащий переводу термин не имеет эквивалента в казахском языке, или же если казахский перевод делает его менее понятным (в иных случаях искажает смысл термина), то принимать соответствующее русское слово: **сословие, состав, клетка, слет** и т. д.

3. Термины, употребляющиеся в различных дисциплинах, но в одном и том же значении, или в значениях близких друг к другу, принимать в едином обозначении: **форма – forma** (в философии или физике), **материя – materija** (в философии и физике), **корень – tybir** (в математике, в ботанике, и лингвистике), **морфология – morfologija** (в ботанике и лингвистике), **реакция – reaksija** (в химии, биологии, политике), **экскурсия – ekskursija** (в области просвещения и в физиологии).

4. Термины, имеющие в различных случаях различное значение, вроде: **мануфактура** (в историко-экономическом и товароведческом значениях), **продукт** (продукт производства и продукт, как продовольствие), **легенда** (как фольклорный жанр и как аннотация) и т. д. принимать, как термин для одной дисциплины, а в остальных случаях переводить. Например, **мануфактура** как этап экономического развития – термин (не переводится), но как вид товара – не термин (переводится).

5. Международные термины принимаются в той форме, в какой они пишутся в русской литературе. В том случае, если в казахском языке будут отсутствовать какие-либо звуки (для передачи этих терминов), таковые изображаются буквами в пределах казахского алфавита (**форма – forma, химия – qijmija, революция – rebolutsija**) и т. д.

6. Термины, переводимые на казахский язык (см. п. 2), должны сохранять при переводе полное соответствие их научному значению. При переводе этих терминов следует точно учитывать грамматические особенности казахского языка, не прибегая к искусственным словообразованиям, делающим термины

¹ Материал впервые опубликован в качестве предисловия к Терминологическому словарю казахского языка, составленному Х. К. Жубановым (Алма-Ата, 1936).

непонятными, как например: **berilis** – передача, **korkil** – многоугольник, **тоқыма** – текстиль, **təcirijbe** – практика и т. д.

7. Международные термины, выраженные в именной и отглагольно-именной формах, за исключением образований с каузативной формой, созданной при помощи формальных элементов **-изация**, **-ификация**, **-ация** – (в словах **машинизация**, **электрификация**, **объективация**), которые соответствуют казахским формам **macijnalandьruv**, **elektirlendьruv**, **objektiptenuv**, принимать в том же виде.

Международные термины, как определения, образованные из прилагательных на **-ский**, **-ный**, в казахском образовании принимать усеченно, т. е. без **-ский**, **-ный**: популярная книга – **popular kitap**, абсолютная величина – **absolut sama**, буржуазная идеология – **burcuaz ijdeologija**, экстенсивное хозяйство – **ekstensijp carnасььq**, дифференциальное уравнение – **dijperensijal tengerme**.

Прилагательные, оформленные суффиксом «**-ский**» с превращением звука «**к**» основы в «**ч**», оставлять в существительном оформлении без всяких наращений: электрическая лампа – **elektir sam**, физическая география – **rijzijka sagrapija** и т. д. Глагольные формы от существительных и прилагательных основ образовывать при помощи соответствующих казахских суффиксов: **изолировать** – **ijzolatsijalav**, **машинизировать** – **macijnalandьruv** и т. д. Термины же, имеющие в русском языке лишь глагольные формы и не имеющие именных форм или слишком отдаленные от именных значений, переводить сообразно с контекстом (**игнорировать**, **регулировать**, **реагировать** – последнее слишком отдаленно от именной формы «реакция»).

8. Вместе с терминами ввести в казахский язык ряд приставок, употребляющихся в международной терминологической практике, которые не могут быть заменены казахскими суффиксами, например «**-ист**», «**-изм**» (суффиксы), «**ре-**», «**син-**», «**де-**», «**анти-**», «**контр-**» (префиксы).

Большинство же других аффиксов, встречающихся в терминах, сохранять в казахском употреблении, но не выделять как формальные элементы, а считать их органической частью основы.

9. Сокращенные формы терминов, присоединяемые к другим словам (**авто**, **аэро**, **авиа** и пр.), иметь в сочетании с казахскими словами: **aptocol**, **aptoqatьnas**, **ablacana** и т. д.

Термины: **диктатура**, **революция**, **совет**, **теория**, **практика**, **контрреволюция**, **милитаризм** и пр., употреблявшиеся в казахском языке только переведенными, принимать без перевода в интернациональной их форме.

10. Ввести в практику казахского словообразования сокращенные сложные слова, широко применяемые в современном русском языке со времени Октябрьской революции, считая такие образования вкладом, внесенным достижениями революции (**политэкономия** – **polijtekonomija**, **райисполком** – **avatkom** и т. п.).

Однако, при образовании подобных сокращений необходимо увязывать их с законами казахского литературного языка, используя на практике лишь те из образований, которые были приняты Государственной терминологической комиссией.

ЭТЮДЫ К ПЕРЕВОДУ ТРЕХ СТИЛЕЙ¹

I. Текст художественный (Ромен Роллан. Жан Кристоф. Т. 4. С. 68).

а) «Надо было иметь большую, чем Кристоф, привычку к этим глазам, из глубины которых смотрела скорее раса, чем индивидуум, чтобы разглядеть под их влажной и пламенной дымкой истинную душу находившейся перед ним женщины».

Схема связей слов

Перевод: «Алдында тұрған әйелдің шыны кім екенін көзінің буы мен жалыны аралас түтінінен айырып тану үшін, бұл аржағынан (түбінен) бір адам емес, бүтін ұрулы ел қарап тұрған екі көзге Кристофшыламай әбден үйреніп алу керек еді».

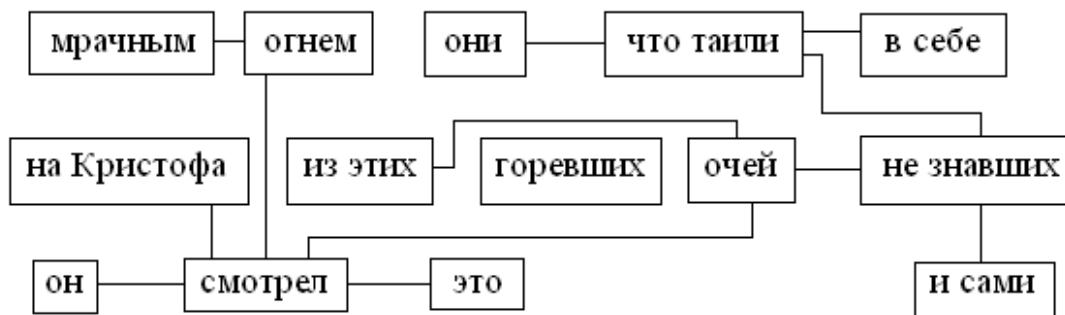
б) «Это была душа всего еврейского народа».

Перевод: «Бұл бүтін жәбрей халқының жан үрейі еді».

в) «Это он смотрел на Кристофа из этих горевших мрачным огнем очей, не знавших и сами, что они в себе таили».

Схема связей слов

¹ Материал ЦГА КазССР, ф. 81. оп. 3. д. 378, лл. 28-33. Впервые опубликован в сборнике «Лексико-семантические вопросы перевода». Алматы, 1987 (заголовок условный. – Прим. ред.).

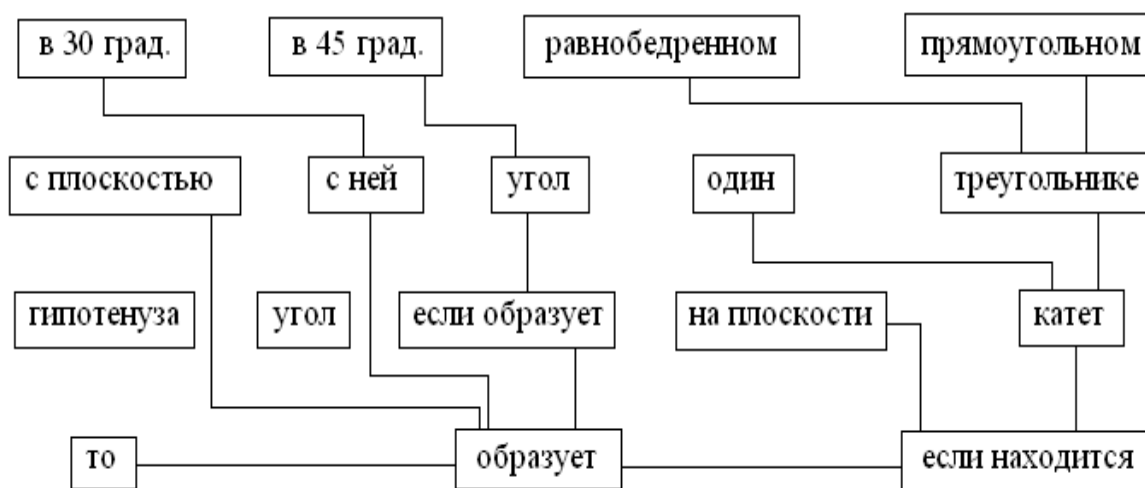

Перевод: «Өзінің ішінде не бар екенін өзі де білмей, оттай жанып, түнерген ол екі көзбен Кристофқа қарап отырған сол бүтін халық еді». Здесь подлежащее превращено в сказуемое; определение «мрачный» отнесено к «очей».

II. Текст научный (Рыбкин Н. Сборник задач по геометрии. Ч. 2. Стереометрия. М., 1934. С. 7, задача 12).

«Если в равнобедренном прямоугольном треугольнике один катет находится на плоскости M , а другой катет образует с ней угол в 45 градусов, то гипотенуза образует с плоскостью M угол в 30 градусов».

Схема связей слов

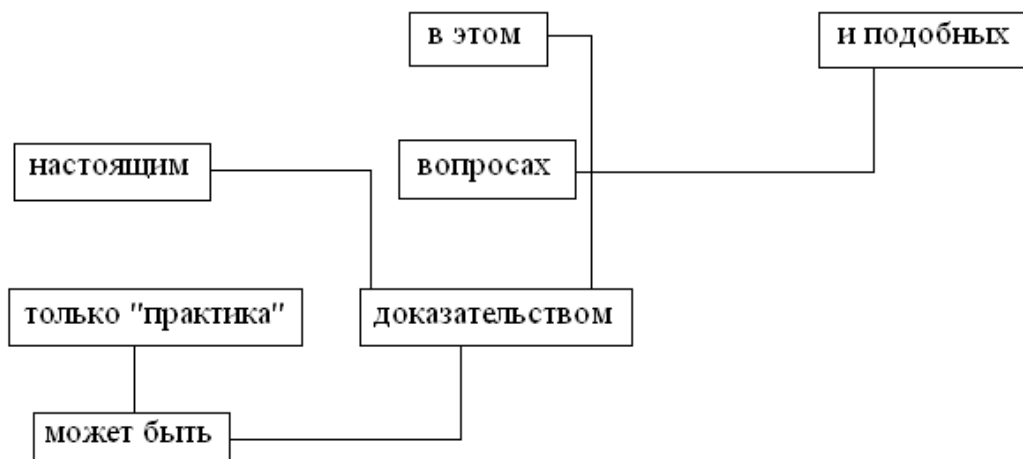

Перевод: «Тең бүйірлі тік бұрышты үшкілдің бір катеті M жазықтығында да, екіншісінің ол жазықтықпен арасы 45 градус болса, онда гипотенуздың жазықтықпен арасы 30 градус болады». В этом предложении 30 градус «тік бұрыш» заменено на «30 градус», слово «бұрыш» пропущено. «На плоскости» обращено в сказуемое первого придаточного, «если находится» пропущено.

III. Текст публицистический (из газет).

а) «Настоящим доказательством в этом и подобных вопросах может быть только «практика».

Схема связей слов

Перевод: «Бұл мәселеде, бұл сияқты мәселелерде нағыз «ыспат» тек тәжірибеде ғана бола алады» («Соц. Қазақстан», 29 қаңтар. № 25). В этом предложении (год издания газеты у автора не указан – Прим. ред.) подлежащее «практика» с логическим ударением должно сохранить непосредственное соседство со сказуемым. Но и дополнение «доказательством», переводимое на казахский язык в неоформленном виде (в неопределенном падеже), должно занять то же место (непосредственно предшествовать сказуемому). Поэтому при переводе этой фразы удобнее обратить подлежащее (в данном случае логическое сказуемое) в сказуемое. Ср.: «Бұл мәселеде, бұл сияқты мәселелердің бәріне де нағыз «сыпат» бола алатын тек қана практика», или же «Бұл мәселеде, бұл сияқты мәселелердің бәрінде де дәлел болуға практика ғана жарайды» и т.д.

б) «Не мешает поэтому рассмотреть коротко те планы организации войны, которые вынашиваются теперь в кругах буржуазных политиков».

Схема связей слов

Перевод: «Сондықтан буржуа саясатшыларының қазіргі жасап жатқан соғысты ұйымдастыру жоспарларын қысқаша қарап өтуге болмайды» («Соц. Қазақстан»). В этом предложении слово «жоспарын» имеет два определения: «жасап жатқан» и «ұйымдастырудың» (по нашему мнению, просто болдырудың) в родительном падеже, которому поэтому и должно принадлежать первое место, т.

е. более отдаленное от определяемого слова. Правда, «жасап» имеет свое определение (логическое подлежащее) в родительном падеже – «саясатшылардың», также относящееся к «жоспарын», что затрудняет сочетание этих двух определений в предлагаемом порядке. Но определение «жасап жатқан» не должно предшествовать определению в родительном падеже, иначе оно может быть понято как определение следующего за ним непосредственно «соғыстың». Таким образом, правильный перевод данного предложения должен быть такой: *«Сондықтан соғысты болдырудың буржуа саясатшылары кәзірде жасап жатқан жоспарларын қысқаша қарап өтуіміз артық емес».*

Конечно, было бы несравненно лучше, если бы к «болдыру» прибавили служебное слово, вроде «үшін, жағынан, жөнінде», получилось бы: *«соғысты болдыру үшін буржуа саясатшылардың жасап жатқан жоспарын».* Но такой перевод представляет неточность в редакции (вместо «Соғысты болдырудың жоспары» получается «Соғысты болдыру үшін жасап жатқан жоспар»).

Чаще всего в таких случаях разбивается сложное предложение разбивается на несколько предложений с превращением придаточного предложения в самостоятельное. Ср.: *«Сондықтан соғысты болдырудың жоспарын қысқаша шолып өтуіміз артық болмас; ол жоспарларды кәзірде буржуа саясатшылар жасап жатыр».* Или: *«Соғысты болдырудың жоспарларын кәзірде буржуа саясатшылар жасап жатыр; ол жоспарларды біздің қысқаша шолып өтуіміз артық болмас».*

Можно применить и прием повторения определяемого слова: *«Сондықтан соғысты болдырудың жоспарларын, – буржуа саясатшылардың кәзірде жасап жатқан жоспарларын, – шолып өтуіміз артық та болмас».*

РЕДАКТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ Х. ЖУБАНОВА К ДВУМ СТАТЬЯМ С. АМАНЖОЛОВА¹

[К стр. 15]

Следует заметить, что источником бед в данном случае является не «подчинение закону сингармонизма», как это кажется многим, в том числе и тов. С.Аманжолову, а **искажение** произношения и начертания международных слов **под видом этого подчинения**. В действительности же сингармонизм тут не при чем.

Сингармонизм – закон вполне реальный и вовсе не отживший, а действующий; следовательно, он нисколько не реакционен в том виде, в каком имеет силу в современном казахском языке. Современный казахский язык, как и известный нам дореволюционный казахский язык, знает один вид сингармонизма: это **фонетическое согласование звуков аффиксов со звуками основы**, сохраняя ведущую роль за звуками основы и подчиняя характер звуков аффиксов (в смысле твердости и мягкости, глухости и звонкости, реже сонорности и шумности) характеру звуков последнего слога основы. Так, аффикс множественного числа принимает шесть разновидностей в зависимости от того, каковы звуки последнего слога основы: 1) если звуки последнего слога основы твердые (гutturальные), то гласный аффикса будет твердый, если же мягкие (палатальные), то мягкий, например от основы **бала** – «д^ття» форма множественности будет **бала-лар** – «д^тети», но от **бале** – «б^деда» будет **бале-лер** – «б^деды»; 2) если последний согласный основы глухой, то начальный звук аффикса будет тоже глухой, если же звонкий, то и в аффиксе будет звонкий звук: **тартыс** – «б^рьба», **тартыс-тар** – «б^рьбы», **жалгыз** – «о^дин», «о^динокий», **жалгыз-дар** – «о^динокие»; 3) если последний звук основы гласный или «р», «и» или «в», то начальный звук аффикса множественности будет: **бала** – **балалар**, **бале** – **балелер**, **қасқыр** – «в^лк», **қасқырлар** – «в^лки», **жұмыскер** – «р^бочий», **жұмыскерлер** – «р^бочие».

Как видно из этого, функция сингармонизма заключается лишь в том, чтобы как «цемент» удерживать суффиксы в единстве с основой и в подчинении последней, как на это указал еще в 1882 г. акад. В. Радлов (Phonetik der nordlichen Türkschprachen, Leipzig, 1882. В.1 S. 77), то же самое повторивший в 1906 году (Einleitende Gedanken zur Darstelleng der Morphologie der Türkschprachen // Записки Академии наук. т.VII, Петербург, 1906), и как еще раньше говорил Бодуэн де Куртенэ (Резья и резьяне // Славянский сборник, т. III, ст.1, стр. 323). Сингармонизм, понимаемый в этом смысле, – а понимать следует только в этом смысле, ибо другого вида сингармонизма, другой его функции казахский язык не знает, – зиждется на суффиксально-агглютинирующей морфологии нашего языка, а вовсе не обуславливается расово-физиологической особенностью народов – носителей языков с сингармонизмом, как утверждал акад. Бетлинг, видевший в нем результат «einer eigentumlichen Organisation der Sprachorgane aller ural-altaischen Volker» – «особенности устройства органов речи всех урало-алтайских народов»

¹ Настоящие заметки являются примечаниями редактора (Х.Жубанова) к статьям С. Аманжолова «О языке перевода классиков М–Л» и «Элементы флективности в казахском языке», опубликованных в «Трудах Казахстанского научно-исследовательского института национальной культуры». Алма-Ата; Москва, 1935. Кн. I.

(Über die Sprache der Fakoten, p.II), или, как полагал Штейнталь, усмотревший в сингармонизме «eine geistige Trugheit» – «духовную лень этих народов» (Charakteristik der hauptsachliehsten Tupen des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1860, S. 180). Следовательно, объявление войны против сингармонизма, как часто поступают ученые мужи из ВЦКНА², равносильно объявлению войны против агглютинативного строя так называемых урало-алтайских языков. Сингармонизм в этих языках одной природы с регрессивной ассимиляцией в латинском и русском языках. Если аффикс «с» то оглушается, то озвончается, чтобы приспособиться к начальному звуку основы в русском языке: «с-пайка», но «з-бавить» (речь идет о произношении, а не о правописании), или же аффикс «dis» изменяется в «diz» в латинском также для приспособления к начальному звуку основы, то во всех этих случаях следует видеть одно и то же явление с сингармонизмом с тем лишь различием, что в одном случае аггармонизация реализована путем согласования звуков префикса с основой (латинский и русский языки), а в другом – путем согласования звуков суффикса с основой (казахский язык, который не знает префиксов). Едва ли найдутся смельчаки, стремящиеся одним ударом покончить с этим сингармонизмом в международных терминах и в русском языке, а также чередованием глухих и звонких в русском и немецком языках, являющихся пережитком того периода, когда фонетическое согласование внутри слова было более сильно, чем теперь.

Сингармонизму, реально существующему в казахском языке, мы и в дальнейшем будем подчинять словообразование международных слов, как и в подлинно казахских, в том смысле, что звуковой состав суффиксов, присоединяемых к терминам, будет оформлен в зависимости от характера звуков последнего слога международного слова: *трактор-лар, кали-лер, гранат-тар, гранит-тер*.

В этом действительно присущем ему смысле сингармонизм не опасен и не реакционен, а необходим. Он опасен в той научно неверной формулировке, которую дали Байтурсунов, Досмухамедов и др. и которая гласит, что «согласование звуков происходит не только между основой и аффиксами, но и внутри основы, так что всякое казахское слово бывает целиком твердое либо целиком мягкое». Это ненаучно, следовательно, неверно, потому что основы давно утратили внутреннюю аггармонизацию (бывшую некогда тоже необходимой), как это видно из звукового оформления слов: *қайте-мін* – «что буду делать», *бірақ* – «однако», *әнербақан* – «нахал», *мұнтаз-дай* – «без недостатков» и пр., и пр. Это же говорит о том, что условием разрушения сингармонизма в казахских основах послужил самый способ казахского словообразования путем словосложения (все приведенные слова первично состоят из двух слов), т. е. внутреннее «спонтанное» развитие самого казахского языка, а не наплыв иноязычных слов, как полагает К. Юдахин и многие другие, видящие в историческом развитии языков троцкистскую формулу развития путем внешнего насилия (см.: *Юдахин.К и Сухотин. А. О сокращении некоторых букв в ряде тюркских языков // Письменность и революция, сб. 1, стр.140–141*). Так как сами казахские основы допускают сочетание твердых и мягких звуков, т. е. не знают аггармонизации, то распространение закона

² ВЦКНА – Всесоюзный Центральный комитет нового (латинизированного) алфавита.

аггармонизации на основу международных слов нельзя квалифицировать как «подчинение закону сингармонизма», как допускает Аманжолов; здесь следует видеть насилие над сингармонизмом, насилие над законами казахского языка, в конечном счете насилие над казахским языком.

Борясь с различными искажениями в применении закона сингармонизма прежде всего следует разобраться, уяснить себе в чем тут дело, иначе вполне возможно «вместе с водой выплеснуть и ребенка».

Впрочем, кажущееся созвучие казахских основ происходит от того, что большей частью казахские корни односложны, а все остальные – суффиксы, если не живые, то мертвые и, как суффиксы – подчинены звукам односложной основы.

[К стр.16]

«Клетка» – сравнение неудачное. Организм языка будущего не будет состоять из тех клеток, о которых идет здесь речь, т. е. из слов современной терминологии. Так как современные и интернациональные термины созданы и создаются из материала «русского, немецкого» и прочих национальных, а чаще донациональных (греческого и латинского) языков, то понятно, нельзя их авансом причислять лексическому фонду общечеловеческого языка. «Термин – это язык будущего» лишь постольку, поскольку круг его обращения не укладывается в рамки национальных языков, постольку он международен, но нельзя забывать и того, что современная терминология наряду с тем, что она интернациональна, в то же время и национальна, поскольку изготавливается из национально-лингвистического материала, употребляется в условиях существования наций, наконец, поскольку входит и в национальное словарное богатство каждого языка.

Не совневаемся, что автор и в этом вопросе того же мнения, что и мы. Но, тем не менее, мы сочли нужным дать некоторые пояснения, т. к. существует очень много ошибочных представлений, выдающих язык терминов за подлинный мировой язык будущего (ср., например, подобное допущение у проф. Юшманова в его «Грамматике терминов», приложенной к «Словарю иностранных слов», М., 1932 г.).

[К стр.19].

Нельзя считать справедливыми все замечания и акад. А. Н. Самойловича, в особенности первое и последнее из приведенных здесь. В 1925 году, когда впервые был переведен «Ком. манифест», число казахов, изучающих иностранные языки (русский язык для казахов не есть иностранный), по крайней мере из тех, на кого рассчитан перевод, равнялось чуть ли не нулю. При таком положении вещей соблюдение буквальной точности в отношении слов «иностранных языков» сделало бы перевод менее понятным, чем при наличной, я бы сказал, удачной замене этого примера (это лишь пример, а не термин). То же самое следует сказать о переводе выражения «общественное евангелие», которое и теперь не будет понятным для не знавшего и не изучавшего истории христианства казаха. Такие образные выражения, незнакомые учителям перевода, можно и должно заменить соответствующими образными же выражениями, выработанными на казахской почве. Мы считаем, совершенно непростительным для академика А. Н. Самойловича такие переводы на русский язык, как «заставить жаворонка нести яйца на овце» или «ясно как то, что на жеребенка положили тавро». Дело в том, что тут мы имеем дело с идиоматической фразеологией, с так называемыми

«крылатыми словами», значения которых непередаваемы переводом отдельных слов, из которых они состоят. Следовало бы объяснить значение фразеологии в целом. В общем следует заметить, что перевод «Ком. Манифеста» содержит местами такие удачные, мастерски выполненные передачи мысли авторов на казахский язык, что и нынешним переводчикам и их критикам есть там кое-чему поучиться.

[К стр. 22].

Автор неоднократно прибегает к обратному переводу, как к критерию. Это может дать известный эффект в полемике, но критерием правильности перевода не может служить, потому что семантическая емкость слов, как бы соответствующих друг другу, в различных языках бывает различная, что может вызвать несовпадение обратного перевода цитат. При подготовке английского издания «Капитала» Элеонора Маркс выполнила кропотливую работу отыскания английских источников для того лишь, чтобы не было обратного перевода. Энгельс прямо указывает, что вследствие двойного перевода «смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, напр., цитаты из Стюарта, Юра и т. д.» (Предисловие к IV нем. изд. «Капитала» // Капитал, т. I, 1934, ИМАЛ, стр. 35), и что поэтому он воспользовался первоначальным английским текстом.

[К стр. 23].

И «*кәрі*» и «*ескі*» переводимы на русский язык словом «старый» с тем лишь, что в казахском «*кәрі*» означает «старый» в смысле возраста, а «*ескі*» значит не вообще «старый», а «ветхий». Так что ни то, ни другое полностью не совпадает со значением «древний», а приблизительно совпадают оба одинаково. В этом смысле замена слова «*кәрі*» словом «*ескі*» едва ли улучшает перевод. То же самое можно сказать о замене «*кәрі заман Римінде*» – «в Риме древней эпохи» выражением «*ескі Рим заманында*» – «в эпоху древнего Рима».

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА К СТАТЬЕ т. АМАНЖОЛОВА «ЭЛЕМЕНТЫ ФЛЕКТИВНОСТИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ»

[К стр. 27].

Публикуя исследование молодого лингвиста т. Аманжолова, считаем необходимым предупредить читателей, что вопрос, поставленный им, очень серьезен и постановка его вполне своевременна. Основная идея автора об отсутствии «китайской стены» между типологически различными языками и о возможности перерастания одних типов в другие совершенно правильна, хотя вопрос о том, представляют ли эти элементы флективности в казахском языке зародыш могущего господствовать в будущем принципа, или же они лишь явления, не получившие дальнейшего развития, остался неясным, и нелегко его разрешить. Дело в том, что не всякие элементы представляют собой тенденции нового; бывают элементы, являющиеся пережитком пройденного этапа, а также такие, которые никогда не были господствующей нормой и не имеют тенденции стать таковой в будущем. Так что недостаточно установить наличия каких-то элементов, а необходимо наряду с этим выяснить, какова их жизненность и будущность. Автор, по всей вероятности, видит развитие этих элементов в господствующую норму в будущем, но это положение у него осталось

необоснованным. Флективность не есть последнее звено в цепи развития языков, она начинает сдавать свои позиции уже в наше время, как показывают это английский и дореволюционный русский язык. Поэтому и есть все основания полагать, что грядущее казахского языка не в переходе на флективный строй, а может в том, что он достигнет высшей ступени своего дальнейшего развития, минуя флективную стадию.

Среди фактов, приведенных автором в доказательство его положений, есть довольно удачные, подтверждающие неголословность его заявлений, но вместе с тем есть и такие, которые дают знать о явно поверхностном, несерьезном отношении автора к материалу. Такие случаи отмечены и разъяснены в следующих редакционных примечаниях. Однако эти замечания касаются лишь отдельных примеров, отдельных формулировок, являющихся результатом допущенной автором некоторой небрежности к фактическому материалу, к техническим приемам языковедческого анализа, и они, эти замечания, нисколько не ослабляют общего положения автора, нашедшего себе достаточное подтверждение в той части аргументации, которая осталась не затронутой примечаниями редакции.

[К стр. 28].

Типичный аморфно-синтетический китайский язык знает, однако, аффиксы, но часто это не видно из-за иероглифической письменности, которая своей формой консервирует пройденные этапы языка. Так, в китайском *dao* – «сабля», *dzьe* – «дитя», т. е. «маленькая сабля». Синологи большей частью видят в подобных случаях синтаксическое сочетание, а не явление морфологического порядка. Однако одни из китайских языков – дунганский, перешедший на алфавитное письмо, не осознает в сочетании *daodzьe* двух слов, лишь сочетавшихся, а видит одно слово, основой которого является *dao*, а *dzьe* воспринимается как суффикс уменьшительности. Так что определение «аморфно-синтетический язык» правильно как схема, но чистой аморфности, как и чистой синтетичности, нет, по крайней мере, в китайском. Все же, поскольку аморфно-синтетическая сторона в китайском преобладает при наличии элементов агглютинации, то данная классификация остается верной.

[К стр. 29].

Степень развитости языка, однако, не измеряется тем, что различные грамматические оформления одной и той же части речи бывают различного корня. Такое образование налицо во всех языках, не только в русском («хорошо», но «лучше»; «я», но «мы»), немецком («gut», но «besser»; «ich», но «mich»), но и в абхазском – самом архаичном (см.: *Hasra. Die passive Konstruktion* и т. д. // Яфетический сборник, кн. VI, Л., 1930).

В казахском языке местоименные суффиксы первого и второго лица выявляют то же самое: наряду с *-із* (*келеміз* – «мы придем») налицо и *-к* (*келді-к* – «мы пришли»), наряду с *-сің* (*келе-сің* – «придешь»), налицо и *-ң* (*келді-ң* – «ты пришел»).

[К стр. 30].

Едва ли можно видеть причину сохранения глухости конечного «*n*» основы, принимающей аффикс с начальным гласным в преждевременном закреплении печатью. Во-первых, печать в Средней Азии – дело недавнее, во-вторых, письменность здесь не была массовым явлением, чтобы быть в состоянии

воздействовать на систему фонем, в-третьих, чередование – «п» с «в», а не устойчивость одного из них должно считаться явлением более ранним, в-четвертых, уйгурский язык и в настоящее время больше, чем какой-либо язык, знает чередование – «п» с «в»: так, *қап* – «мешок», *түп* – «дно», но в притяжательной форме «п» превращается в «в»: *қаві* – «его мешок», *түві* – «его дно». Так что никакой статичности в этом отношении уйгурский язык не проявляет, наоборот, чередование «п» с «в» встречающееся в казахском спорадически, в уйгурском выступает как норма.

[К стр. 30].

Форма *арымас* – «не будет худеть» не происходит от слова *арықтамас*. В казахском существует глагольная основа *ары* – «худеть», отсюда *ары-ма* – «не худеть», *ары-ма-с* – «не будет худеть». От глагольной основы «ары» образовано производное имя посредством прибавления суффикса «-қ»: *ары-қ* – «то, что худеет, худой», так же, как от основы *қоры* – «охранять» образовано *қоры-қ* – «охраняемое». Производное имя *ары-қ* – «худой» вновь превращается в глагол, приняв на себя суффикс глаголообразования (ла – да) -та: *арық-та* – «сделаться худым», «похудеть». Таким образом получились два глагола-синонима: один первообразный «ары» и другой второобразный «ары-қ-та». Следовательно получилось не «ары» от «арықта» путем усечения, а наоборот, «арықта» от «ары».

Несколько иначе обстоит дело со словами «*кәрі*» (*қары*) – «старый» и *кәртай* – «устареть». От именной основы *кәрі* образовалась глагольная основа посредством суффикса -тай – *кәртай* (я не имею основания усматривать здесь образование от основы *ғарт* – «старик», хотя могло случиться и так), а последний редуцированный гласный «и» основы лишился ударения, ввиду перехода ударения на последний слог -тай, в результате гласный «и» исчезает совершенно так же, как в случаях: *мұрын* – *мұрны* – «нос», *орын* – «место», *орна* – «поместиться» и из *кәрі-тай* остается *кәртай*. Глаголообразующий суффикс -тай встречается тоже редко. Но что он имеет место, говорит форма *жан-тай* – «лежать на боку» от слова *жан* – «бок».

Форма же *кәрі* как основа глагольная встречается единственно у Алтынсарина в вышеприведенном месте. Лично у меня имеется сомнение насчет реальности бытования у казахов этой формы глагола. Во всяком случае нет никакого основания возводить форму *кәрі-ме* к форме *кәр-тай-ма*, ибо при реальности первой та и другая должны считаться самостоятельно развившимися так же, как *ары* и *арықта*.

[К стр. 30].

Образование *ұйқ-та* – «спать» не представляет особенно большого отклонения от нормы, как и не есть оно результат флексии основы. Нормальной формой этого глагола было бы *ұйқы-ла*. Но переход ударения редуцированного гласного «ы» на следующий гласный в порядке *ұйқы (ла) – ұйқы-ла* вызвал исчезновение этого гласного, как в слове *қоз-да* вместо *қозы-ла*. Образованное по выпадении «ы» стечение глухого взрывного «қ» с сонорным *л* – сочетание незаконное для казахского языка; поэтому *л* суффикса заменено глухим взрывным двойником своим *т* и получилось форма *ұйқ-та*. В татарском, где сочетание это

допустимо, сохранился л суффикса: *йұқы – жұқы – «сон», а йұқы-ла – жұқ-ла – «спать»*.

Больше подходят примеры *ұйат* и *ұйал*. Последние напоминают флективное оформление тем, что здесь видимые формальные элементы расположены не в порядке последовательного их нарастания, как поступает в подобных случаях казахский язык, а замещены одни другими (*й* и *т* в словах *ұйат* и *ұйал*), подобно гласным характеристам различных форм в индоевропейских языках («*а*» и «*ы*» в словах *корова* и *коровы*, при *сыйыр* и *сыйыр-лар* в казахском). Кроме того, и это самое главное, основа неотделима от формантов, не в состоянии самостоятельно употребляться так же, как основа глагола *пис-ать* (*пис*) не может употребляться отдельно.

В этом, собственно, и заключается различие флексии от агглютинации. Формы *ұйа-т* и *ұйал* напоминают флективную морфологию тем, следовательно, что основа *ұйа* не есть самостоятельное слово. Значит, если за конечными звуками *л* и *т*, заменяющими друг друга с функциональной службой, признать формальные элементы, то эти формальные элементы органически связанные с основой, могут быть не чем иным, кроме как внешними флексиями; если же в них видеть составную часть основы, то они становятся неизбежно признаком внутренней флексии, с тем лишь различием, что флексия основы выражена здесь заменой одного согласного другим согласным, в то время как в семитских и индоевропейских языках она выражается заменой одного гласного другим гласным. Но так как есть языки, осуществляющие внутреннюю форму посредством изменения и согласных (см.: *Сепир*. Язык, М., 1934), то эта особенность «казахской флексии» не может явиться преградой к флективности. Однако все это – видимость. В сущности же и *ұйат* и *ұйал* – образования агглютинативные. Агглютинативная их природа затемнена лишь тем, что здесь корень и, более того производная глагольная основа – неживые; мертвый также суффикс *-т* в слове *ұйа-т*, он тот же суффикс, образующий имя от глаголов, что налицо в архаических образованиях, пережиточно сохранных в казахском, как *кiй-(i)т* – «одежда» от *кiй* – «одеваться», *мiн-(i)т* – «подвода» от *мiн* – «сесть на лошадь», *шық-(ы)т* – «одежда, предназначенная девушке, выходящей замуж», от *шық* – «выйти». «Л» же в слове *ұйа-л* современный живой суффикс пассивного залога, так что на долю глагольной основы остается часть *ұйа*, но в живом языке такого слова нет, основа эта мертвая. Но ведь мертвы основы глаголов *күре-с* – «бороться» и *жар-с* – «состязаться в бегах», от которых, если отнять живой по сей день суффикс взаимного залога *-с*, остаются не употребляющиеся самостоятельно части: *күре* - и *жары-* (быть может, *жары*). Но не объявляем же мы после этого глаголы *күрес* и *жарыс* образованиями, флективного порядка. Точно также нельзя признать в оформлении слов *ұйат* и *ұйал* флективного начала только лишь потому, что основа *ұйа* мертва. Впрочем *ұйа* в свою очередь не чистая, а производная основа, образованная от имени *ұй* посредством суффикса «*а*» (наличного в *ас-а* – «кушать» от *ас* – «кушанье», *ойна* – «играть» от *ойын* – «игра»). Укажем лишь на это, не вдаваясь в дальнейшие детали, чтобы не выйти за рамки редакционного примечания.

[К стр. 31].

Нельзя не указать на то, что «экономическая детерминированность» звукового оформления слова *беріл* как раз и не показана. Операция со словом *беріл* является образцом того, как не надо поступать с лингвистическим материалом. Семантическое положение о том, что значения «*брать*» и «*давать*» одинаково восходит к значению «*рука*», автор хочет применить к случайному совпадению, и то лишь наполовину, звуков глагола *ал* – «*брать*», «*взять*», со звуком суффикса пассивного залога *-л*, после согласных со вклиниванием узкого гласного *і, іл* лишь потому, что суффикс *-л* в данном случае присоединен, опять случайно, к основе *бер* – «*давать*». Глагол *бер* здесь вовсе ни при чем – суффикс *л* может присоединиться не только к нему, но и к любому глаголу, не оканчивающемуся на *л*, вроде *іш* – «*пить*» *ішил* – «*быть выпитым*» и т. д. Если же пытаться выяснить историю суффикса *л*, то следовало бы это сделать независимо от глагола *бер*; следовало бы исходить из возникновения представлений о пассивности, из названия предмета, который в общественном сознании известных эпох воспринимался как пассивное общество.

[К стр. 34].

Анализ по элементам и семантическая палеонтология у автора крайне наивные. Он опять путает суффикс, чего в слове *semir* вовсе нет, с основой, без какого-либо выяснения генезиса суффикса глаголообразования, отождествив последний со значением основы. О семантической родословной представления о «*жире*», «*полном*», «*здоровом*» см. у Н. Марра («*Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков*», в журнале «*Под знаменем марксизма*» за 1927 год, июнь, № 6). Автор не мог использовать такой благодарный и прямо говорящий в его пользу материал, как образование *semiz*– «*жирный*» и *semir* – «*ожиреть*». Между тем это прямо напрашивается само, чтобы исходя из него сделать тот вывод, который нужен автору. См. по этому поводу нашу статью «*К постановке исследования истории фонетики казахского языка*» (в этом же сборнике).

* * *

Настоящие примечания были написаны с расчетом, что они будут подстрочными. Однако по условиям печатания это оказалось невозможным, и они были перенесены на конец сборника.

Х. ЖУБАНОВ

